

ЧЕЛОВЕК ВОЕННЫЙ: ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ*

М.А. ПРОНИН

Парадигматическое бессилие

Понимание закономерностей становление человека мужественной профессии, человека военного – проблема системная, требующая для своего решения адекватной междисциплинарной оснащенности с целью полноценного описания всего комплекса наблюдаемых в этой связи «армейских» феноменов, включая и такой, как «дедовщина».

К сожалению, пространство знаний, умений и навыков, язык компетенций и т.п., не дают инструмента для управления всем комплексом явлений, связанных с становлением человека мужественной профессии, человека военного, защитника родины.

Если феноменологический пласт описаний (психологических, социологических, правовых и пр.) проявлений дедовщины в советской армии, в современной России в известной степени представляется относительно полным, то вопросы методологии исследования феномена, вопросы понимание его природы во многом остаются открытыми.

Междисциплинарный синтез эмпирического материала с необходимостью должен быть дополнен его методологической проработкой, подкрепленной парадигматическим уровнем исследований – его антропологическим пониманием.

Следует констатировать, что отсутствует теоретическая модель явления, именуемого дедовщиной: отсутствуют значимые философские результаты осмысления данной проблематики. Такое осмысление не возможно вне общего, более широкого, контекста – философского понимания человека военного.

* Статья подготовлена в рамках проектов РГНФ «Философско-антропологический анализ самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины)», грант № 08-03-00590а и РФФИ «Лабораторное социально-психофизиологическое исследование личности в контактной социальной группе (к разработке объективных методов гуманитарной экспертизы)», грант № 07-06-12029-офи.

В качестве парадигматического взгляда, позволяющего охватить все три пласта – феномен, методологию и теорию проблемы, – нами предлагается использовать виртуальный подход, как он развивается исследовательской группой «Виртуалистика» (ИГВ) Института философии РАН (в 1991 – 2004 гг. Центр виртуалистики Института человека РАН: www.virtualistika.ru)¹.

Одновременно мы, сотрудники ИГВ ИФ РАН, вынуждены решать еще один комплекс задач: в силу того, что виртуалистика не научная дисциплина, а парадигматический подход, это является одной из главных причин, сдерживающих ее распространение. Отсюда возникает необходимость решения всего комплекса научно-практических (организационных), методологических и теоретических проблем, связанных с ее «внедрением».

Речь идет о том, чтобы на практике – в жизни, – произошла парадигматическая «прививка» виртуалистики к той или иной дисциплине, или, если рассматривать шире, свершилась парадигмальная революция – виртуальная парадигма стала бы одним из широко распространенных парадигматических подходов. В этом состоит практический, прикладной резон данной работы. И если такое событие произойдет или не произойдет, то – почему? Ответы на последние вопросы можно отнести к общеметодологическим и общетеоретическим результатам нашего исследования, выходящим за рамки рассматриваемой армейской проблематики. К результатам, важным как для развития современной науки, так и для философии.

Последний момент актуален и для нашей темы вот еще почему.

Рассматривая ситуацию с дедовщиной в целом сегодня можно говорить и о конфликте парадигматическом: с одной стороны, есть комплекс явлений, феномен, который мы наблюдаем, но с другой – наших фундаментальных научных представлений о истинной природе явления явно недостаточно. И их невозможно было до сих пор получить, используя достижения современной психологии, социологии, юриспруденции и пр. И дело здесь не столько в проблеме комплексности (хотя таковая здесь также присутству-

ет), сколько в неадекватности парадигматических установок, положенных в основание таких исследований.

Такой тип конфликта, когда проявления конфликта, — его казус, — разворачивается в одном пространстве — армейском, социальном, управленческом и пр., а источник конфликта — его виртус, лежит в другом пространстве — в нашем случае, в знаниевом, в парадигматическом, — был назван Н.А. Носовым виртуальным².

Еще одна особенность таких конфликтов состоит в том, что все попытки к их разрешению в пространстве проявлений феномена не только малорезультативны, но и зачастую приводят к закреплению ситуации.

Ниже мы попытаемся преодолеть такой конфликт в понимании природы дедовщины.

Итак, данное краткое сообщение носит проспективный и иллюстративный характер, предъявляя новый — виртуалистический, — взгляд на феномен дедовщины — взгляд в более широком контексте, — в контексте становления человека опасной профессии, человека военного.

Ниже будет представлено описание виртуального психологического события во внутреннем пространстве человека — траектория становления его как виртуоза, как артиста: сначала в профессии военного, а затем как выдающегося кинорежиссера. Далее будет проведен методологический разбор такого класса событий.

Методологическая работа по описанию и анализу внутреннего пространства человека опиралась на теоретическую модель виртуального человека. Виртуальный человека — это онтологический конструкт, имеющий экспериментальную верификацию: за ограниченностью объема статьи отсылаю к вышецитируемым работам и нашему сайту. Тем не менее, необходимый теоретический минимум по ходу описания и методологического анализа (комментария) будет приведен.

В заключении статьи будут подведены некоторые итоги.

Артист (феномен)

Конечно, всем известно, что сказочный герой должен пройти огонь (любовь — испытание в реальности телесности), воду (испытание деньгами в реальности сознания) и

медные трубы (испытание славой в реальность личности), но самое главное испытание — испытание смертью. Об этом то и написано на камне: «Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — женатым будешь, прямо пойдешь — убитым будешь»...

Получается, что смерть — это тройная смерть (апокалипсис). Смерть миропонимания, смерть мироощущения (мировосприятия) и смерть самовыражения, ведущие за собой смену, соответственно, статусов сознания, телесности и личности человека. Именно так сначала порождается реальность внутреннего человека, а затем реальность воли, как способность человека управлять несводимыми друг к другу реальностями телесности, сознания и личности, что, в свою очередь, в совокупности, и рождает добродетель... У каждого такое событие происходит по разному... Вот одна история, как это бывает: не ведая того, ее рассказал нам выдающийся кинорежиссер Григорий Чухрай в своей книге «Моя война».

Многим, надеюсь, известно, что Григорий Наумович — участник Великой Отечественной войны, служил в воздушно-десантных войсках... Случай этот произошел с ним в начале войны, он выходил из окружения...

Воспроизвожу его рассказ со своими комментариями, выделив курсивом слова, которыми он описывает свои виртуальные состояния и события.

Итак.

«Подойдя ближе, немцы открыли ураганный огонь. У нас много убитых и раненых. Капитан, который все время подавал команды, умолк на полуслове. Я через трупы погибших подполз к нему. Он был безнадежен. У меня осталось мало патронов. *До темноты не дотянуть.*

Я понял, что нам отсюда живым не уйти. (Изменение статуса сознания: ситуация легко ухватывается и читается.)

И вдруг почувствовал, что мне уже ничего не страшно, и душу охватил непонятный восторг. (Спонтанность возникновения виртуального состояния. Изменение статуса телесности.) Это состояние называется упоение боем. *(Изменение статуса личности.)* Раньше я думал, что это выдумки литераторов.

Теперь я понял, что это не выдумка. Это особое психическое состояние. Оно близко к состоянию опьянения наркотиками. (Изменение статуса сознания.) Тело ничего не весит, страх, даже неосоз-

нанный, исчез абсолютно, тебе легко и весело, и все вокруг кажется ярким и светлым, красивым. (*Изменение статуса телесности.*)

У Кондрашова заклинило винтовку. Было у нас такое новейшее оружие – самозарядная винтовка СТВ. Но стоило попасть в нее песчинке, она отказывала. Несмотря на ожесточенный бой, я поднялся в полный рост, подошел к окопчику Кондрашова, опустил свой шомпол в ствол СТВ и прикладом выбил застрявший патрон. Это было никак не геройство, напротив – *это было безрассудство.* (*Изменение статуса воли.*) Я слышал посвист пуль, но к счастью ни одна меня не задела...»³.

Вот так родился великий кинорежиссер! Сначала Григорий Чухрай приобрел добродетель, а затем, уже после войны, всего лишь доучился ремеслу режиссуры...

Не верите? Читаем у него в той же книге дальше... (Уже в середине войны Г. Чухрай был назначен командиром роты и готовил ее к отправке на фронт. – *М.П.*).

«Утром я повел роту на стрельбище. Показал им, в каком виде их оружие, и, когда отстрелялись, сказал:

– Вам кажется, что я к вам придираюсь. Нет! Я хочу, чтобы в бою вы остались живы. А вы – самоубийцы. Вы не ухаживаете за оружием и не умеете стрелять.

Потом я повел своих солдат на полосу препятствий. Преодолевать полосу препятствий я был мастак. Прошелся по ней и увидел, что произвел хорошее впечатление. А уж когда показал приемы рукопашного боя, рота без оговорок признала меня. Марк Степанов с восторгом говорил:

– Ну, теперь все ребята – ваши! Я сам, признаться, не думал, что вы так хорошо подготовлены. А вы в военном деле – настоящий *артист!* (курс. мой. – *М.П.*)»⁴.

На греческом «добродетель» звучит как «arete», отсюда, собственно, и артист. «Актеров много, а артистом еще надо стать», – говорят в театральной среде. Слово «виртуоз» – человек, преодолевший технические сложности своей профессии, такого же содержания, смысла (от латинского *virtus*). Как, впрочем, и грация – женское видовое проявление родовой человеческой добродетели, и харизма – мужской...

О сложностях подготовки художника и его воспитания знают многие. Типичную педагогическую проблему подготовки таковых (социальный конфликт в образовании, неразрешимый средствами традиционной педагогики – в рам-

ках традиционной парадигмы) очень точно описал учитель Г.Н. Чухрая – Михаил Ильич Ромм.

«Кто может быть режиссером? Каждый, кто не доказал обратного! Но быть режиссером и уметь снимать фильм – это не одно и то же. Если взять тридцать человек прямо на улице – вот стоит очередь на троллейбус, взять ее, привести во ВГИК и начать обучать, – то фильм снимать научатся все, за исключением, может быть, одного-двух человек, просто больных или безнадежных в умственном отношении. Но режиссером станет не каждый из них, может быть, никто. Этому нельзя научить, но этому можно научиться»⁵.

Да, действительно, научиться можно, но для этого необходимо пройти три испытания, которые приведут к определенным событиям во внутреннем пространстве сказочного героя, способного их пережить, а новое состояние удерживать... – не свариться в молоке.

Проектирование таких событий и управление ими, как можно теперь понять, – отдельная научно-практическая проблема, не решаемая без антропологического понимания их природы.

Добрый молодец (краткая методология вопроса)

Сделаем короткий теоретический экскурс в виртуальную философию и виртуальную антропологию Н. Носова, посвятившему обсуждению терминов *virtus* и *arete* в своей «Виртуальной психологии» отдельное место.

«Римляне термином *virtus* обозначали некое состояние душевного подъема воина, определенную воинскую доблесть, проявляемую в бою...», «с другой стороны, для античной философии *virtus* – это одна из высших, если не высшая добродетель, свойственная самым мудрым»⁶, – пишет Н. Носов и подкрепляет свое утверждение выдержками из Цицерона, касающимися добродетели.

Воспроизведу здесь некоторые, из отобранных Н. Носовым⁷. Начну с изречения Цицерона о воинской *virtus*: «Вот что запомните твердо: мощь духа и какое-то необыкновенное его величие, которое с особой силой проявляется в презрении к страданию, – это самое прекрасное из всего, что существует на свете, и тем прекраснее, если не ищет публичного одобрения и получает наслаждение в самом себе» (Тускуланские беседы. II 26, 64).

Далее: «...но поэты смогут судить, как подобает поступать тому или иному герою, исходя из характера каждого из них, нам же сама природа определила роль, поставив нас неизмеримо выше всех остальных живых существ; тем самым поэты, имея дело со множеством разнообразных характеров, должны предусмотреть, что соответствует характеру и что «подобает» даже злодеям, а поскольку нам природа предоставила играть роль твердых, скромных, сдержанных, почтительно-уважительных, и та же самая природа учит нас не быть небрежными к тому, как мы ведем себя по отношению к другим людям, становится ясно, сколь широко поле деятельности и родового понятия «подобающего», распространяющегося на всю вообще добродетель (*honestas*), и того, которое проявляется в каждом отдельном виде добродетели (*virtus*)» (Цицерон. Об обязанностях. I 28, 97).

«Самая главная из всех добродетелей (*virtus*) та мудрость (*sapientia*), которую греки называли *sophia*» (Цицерон. Об обязанностях. I 43, 153).

«И если... ум культивирован, если взор его столь пронытателен, что его не могут ослепить никакие заблуждения, он становится совершенным духом, т.е. абсолютным разумом, а это и есть добродетель (*virtus*)» (Цицерон. Тускуланские беседы. V 13, 27 – 39).

И, наконец, «ведь вся добродетель (*virtus*), пожалуй, сводится к трем вешам, из которых первая состоит в понимании истинной сущности каждого явления, их взаимозависимости, их результатов, их генетической связи и причин каждого явления (дается характеристика реальности сознания. — *М.П.*); вторая состоит в умении сдерживать душевные волнения, которые греки называли «страстями» (*pathe*), и подчинять разуму инстинкты, называемые ими *hormaí* (описывается реальность телесности, подвластная реальности сознания. — *М.П.*); третья — в разумном и тактичном обращении с окружающими, чтобы с их помощью в изобилии обладать тем, в чем нуждается наша природа (добродетель. — *М.П.*), отвращать грозящие нам неприятности, бороться с теми, кто попытается принести нам вред, и воздать им наказание, которое допускают принципы справедливости и гуманизма (характеризуется реальность личности, способной к сохранению

своей природы и действию в рамках справедливости — сознательного оперирования ценностями, — и гуманизма (соблюдения целостности собственной и чужой телесности). — М. П.)» (Цицерон. Об обязанностях. II 5, 17).

Коснулся Н. Носов и проблемы неадекватной интерпретации переводчиками термина *virtus* из-за восприятия его как технического, как не несущего концептуальной нагрузки...

Ситуацию с переводом термина «*virtus*» Н. Носов объясняет также и тем, что современная философия не имеет средств мыслить действующие вещи. Связано это, на его взгляд, с тем, что философия с античных времен работает только с вечными абсолютными сущностями, т.е. с тем, что «существует» и не может концептуализировать события (действия), существующие лишь временно и в частичной, а не во всеобщей форме, или говоря в другом аспекте — деятельном, энергийном; философия не может найти механизм энергетической связи всеобщей абсолютной сущности с активностью единичных предметов. Далее он добавляет, что в «естественных» науках полностью исключаются внутренние силы (*virtus*) отдельного предмета, а также внутреннее время и пространство. Поэтому считается, что для определения поведения объекта достаточно знать условия, в которых он находится, которые однозначно и определяют траекторию поведения объекта. Онтологизируя это представление, говорят о том, что причина поведения объекта лежит в условиях его нахождения: каковы условия, такова и траектория поведения, при предположении наличия всеобщей (вневременной и внепространственной) силы, такой, как, например, сила всемирного тяготения...⁸

Вернемся к истории Григория Наумовича Чухрая: нетрудно понять, какие силы на него действовали в том памятном для него бою при выходе из окружения... А как он себя повел!

Собеседование (философия артиста)

Однако картина рождения великого кинохудожника будет не полной, если я не приведу еще одну историю из жизни Г. Н. Чухрая, но уже из другой его книги — «Мое кино». В ней он рассказывает о своем пути в кинематографе, отрывок, что я воспроизведу ниже, назван им «Собесе-

дование». Нетрудно догадаться, что отрывок про то, как он проходил это самое собеседование, поступая во ВГИК. Но перед его рассказом буквально штрих с предыдущей страницы его книги. Штрих, и, на мой взгляд, очень существенный для рассматриваемого нами вопроса.

«...Случайно я разговорился со студентом второго курса Юрой Вышинским (впоследствии — видным советским режиссером).

— Вы проходили собеседование. Что у вас спрашивали? — поинтересовался я.

— Спросить могут все, что угодно.

— А какие вопросы задают обычно?

— Тебе это не поможет. На собеседовании *надо быть открытым. Думать, но ничего не выдумывать. Надо быть самим собой* (выделено мной. — М. П. — Иными словами, предъявить свою телесность, сознание и личность.).

Я запомнил этот совет...»⁹.

Итак, как проходило собеседование? (Снова курсивом выделяю слова Г.Н. Чухрая, которыми он описывает свое попадание в виртуальные состояния, и привожу в скобках свои комментарии).

«За длинным столом, по одну его сторону, сидели преподаватели. Все с любопытством смотрели на меня. В центре восседал мастер — Сергей Осипович Юткевич. На нем был необыкновенный, явно заграничный пиджак и яркий плетеный галстук; на глазах — черные очки. Тогда у нас еще не носили черных очков, и на меня они произвели почти мистическое впечатление.

— Подойдите сюда, — подозвал меня какой-то старик.

Он сидел в конце стола, перед ним были разложены открытки с репродукциями картин различных художников.

— Что это? — Он указал на одну из открыток.

Врать и вывертываться было бесполезно.

— Не знаю, — признался я.

— А это?

— Тоже не знаю.

— Как же вы идете в наш институт, если вы ничего не знаете? — удивился старик.

Мне стало не по себе. (Состояние возникло спонтанно. — М.П.) Я разозлился на свое невезение, на старика и на все на свете. (Изменение статуса телесности и личности.)

— Я хочу поступить в ваш институт вовсе не потому, что все знаю. Я хочу учиться! Вы меня научите, и я буду все это знать! Не велика премудрость!

— Вы чем-то недовольны, молодой человек? — спросил стро- го Юткевич. — Ну-ка, подойдите сюда.

Я подошел. Черные очки усталились на меня, как мне пока- залось, враждебно.

— Чем вы не довольны? — повторил он свой вопрос.

— *Собой. Своим незнанием...* (Г.Н. Чухрай говорит о себе в объективированных терминах — как бы со стороны. Обратите вни- мание — это принципиально для понимания виртуалистики и вир- туальных состояний, так как требуется различать процесс актуа- лизации образа во внутреннем пространстве человека и процесс отношения, реакций человека на процесс актуализации образа его действий — самообраз¹⁰. В данном случае Г.Н. Чухрай злится на свою злость. Речь идет, вспомним Цицерона, об обуздании стра- стей).

Юткевич посмотрел в какой-то список.

— Вы были офицером?

— Да. Сперва солдатом, потом офицером.

— А не кажется ли вам, что то, чем вы занимались в армии, и то, чем хотите заниматься в искусстве — слишком разные вещи?

«*Не примет*», — подумал я, и, решив, что теперь терять нече- го, дерзко ответил. (*Изменение статуса сознания: в гратуале си- туация легко ухватывается и легко принимаются решения.*)

— Не кажется.

— Интересно... — сказал Юткевич. — Объясните.

— Если кто-нибудь в бою не оправдывал наших надежд, — сказал я, — то не потому, что не знал приемов боя или обращения с оружием, а потому, что в критический момент ему не хватало **чувства долга и собственного достоинства** (выделено мной. — М.П.). Я старался поддерживать эти чувства. В искусстве буду делать то же. — Я не лукавил.

В экстремальных обстоятельствах *мысль работает особенно четко. Я до сих пор удивляюсь, как смог так точно сформулировать то, что действительно было, но о чем раньше я не задумывался.* (*Из- менение статуса сознания и воли: в гратуале все формулируется «само собой».*) Юткевич уставился на меня сквозь темные очки.

— А что у вас за значок?

Орден я не носил (надевать ордена на экзамены было стыд- но), но с этим значком не расставался. Он приносил мне удачу.

— Значок парашютиста, — ответил я.

Юткевич заинтересовался.

— Вы были парашютистом?

— Да.

— И прыгали в тыл врага?

– Да.

Юткевич улыбнулся:

– Перед нами положительный диверсант.

Все засмеялись шутке, и мне стало немного спокойнее. (Можно увидеть, что ситуация видится и рисуется Г.Н. Чухраем фрагментарно – почти что дается «раскадровка» событий во внешнем мире – «на сцене», во внутреннем его пространстве (ролевом). Если точнее, то в пространствах сознания, телесности, личности и воли. И, в-третьем плане – в самообразе¹¹).

– А что вам в искусстве нравится? – поинтересовался он. – Природу вы любите?

– Конечно. Но **главное**, по-моему – **человек** (выделено мной. – М.П.).

– Тогда возьмите бумагу, сядьте за тот столик и напишите новеллу, в которой будет природа и человек.

– Новеллу не смогу.

– Почему?

– Новелла – один из самых трудных жанров литературы, а я никогда не мыслил себя писателем.

– Литературное произведение от вас не требуется. Напишите как умеете.

Я сел к столику, и тема, как бы сама, сразу пришла мне в голову. Я был в редком настроении, когда все ладится. (*Виртуальное состояние следующего иерархического уровня вновь возникает спонтанно. Порождено оно внешними обстоятельствами – внешней, ставшей константной реальностью, и внутренней, также ставшей константной психологической реальностью успешного «прохождения» первого испытания... Снова идет описание себя с внешней стороны: он говорит о себе как об объекте – описывает себя в объективированных терминах. Так мысли сами приходят в голову. Все ладится само собой без напряжения и волевых усилий. Состояние характеризуется не как обыденное, а оценивается как особое «...редкое настроение...».*)

Я вспомнил ... (сокращаю текст. – М.П.).

Пока я писал, комиссия занималась с другими абитуриентами. Я подал свои листки.

– Можете идти, – сказал Юткевич и передал написанное пожилой женщине, сидевшей рядом с ним.

– Я направился к двери, но не вышел.

– Вы меня примете? – спросил я, набравшись смелости.

– Идите. Мы подумаем, – сказал Юткевич.

Я пошел. На душе было беспокойно: примут или нет, правильно ли я себя вел? Ни в чем уверенности не было.

Из аудитории вышла женщина, та самая, что сидела рядом с Юткевичем. Подошла ко мне и сказала тихо, чтобы не слышали другие.

– Все в порядке – вы приняты.

Меня обдала горячая волна радости. Не помню, как я слетел с лестницы. Я еще ходил с палкой: рана напоминала о себе болью, но в тот момент я не чувствовал боли. Я был счастлив»¹². (Надеюсь, здесь читатель все увидит без комментариев.)

Виртус дедовщины (вместо заключения)

Сообщение носит, как было сказано во введении, про-спективный и иллюстративный характер: показать работоспособность виртуального подхода применительно к философским и теоретическим проблемам осмысления природы дедовщины, рассматривая этот феномен в более широком контексте.

Мы представили новый эмпирический материал, описывающий траекторию становления человека военного, что расширяет первичную эмпирическую базу для планирования дальнейших исследований феноменов армейской жизни и осмысления их результатов.

Показали методологическое соответствие инструментария виртуалистики пласту феноменов, встречающихся в антропологическом пространстве становления человека военного, т.е. ее работоспособность при решении соответствующих задач ситуационного анализа. Что, одновременно, обеспечивает и решение целого класса перспективных задач, задач моделирования: проектирования событий во внутреннем пространстве человека. Здесь уже можно говорить и о выработке антропологических оснований построения соответствующих процедур инициации.

Таким образом, полагаем возможным перейти от гипотетического утверждения о возможности применения виртуального подхода к исследованию феноменов армейской жизни, дедовщины в частности, к утверждению категорическому¹³ – адекватность виртуального подхода объекту исследований полагаем установленной.

На следующем шаге придется решать комплекс вопросов о стратегии и тактике совершения парадигмальной при-

вивки виртуалистики к армейскому, научному и обывательскому менталитету для разрешения виртуса дедовщины.

Примечания

- ¹ Подробнее смотри: *Пронин М.А.* Виртуалистика в Институте человека РАН: история и результаты // Генезис категории виртуальная реальность: Материалы международной научной конференции (15 февраля 2008г.)/Под ред. А.В. Захряпина и др.; Саранск, 2008; *Пронин М.А.* Виртуал Николая Носова (Выступление на первом заседании семинара РФО «Виртуалистика», 18 января 2002 г.) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Проблемы генетики, психологии и виртуалистики. М., 2008. С. 207 – 221; *Пронин М.А.* Виртуалистика сегодня: история, пространство, иллюстрации, перспективы // Философские науки. 2007. № 8.
- ² *Носов Н.А.* Виртуальный конфликт: социология современной медицины. М., 2002 (Тр. центра виртуалистики. Вып. 18).
- ³ *Чухрай Г.Н.* Моя война. М., 2001. С. 127–128.
- ⁴ Там же. С. 225.
- ⁵ *Чухрай Г.Н.* Мое кино: (О времени и о себе). М., 2001. С. 33.
- ⁶ *Носов Н.* Виртуальная психология. М., 2000. С. 19.
- ⁷ Там же. С. 19–20.
- ⁸ Там же. С. 20–21.
- ⁹ *Чухрай Г.Н.* Мое кино. С. 8.
- ¹⁰ *Носов Н.А., Генисаретский О.И.* Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Авиационная эргономика и подготовка летного состава. М., 1986. С. 147–155.
- ¹¹ Иными словами, человек не только работает, что-то делает (первый план – внешний, ролевой), но и осознает, переживает то, что и как он делает – это второй план, представляющий прямое психологическое содержание отношения к работе. Одновременно присутствует и третий план функциональных состояний, организованных не к предметному плану деятельности, а к сознанию-воле человека, выполняющего какую-либо деятельность, к его человечески-личностному плану. Это отношение создает сюжет своего собственного, лично выраженного присутствия в пространстве и времени работы, событий, жизни // Там же.
- ¹² *Чухрай Г.Н.* Мое кино: (О времени и о себе). С. 9–12.
- ¹³ *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961. С. 77.